

Весёлое утро

Сегодня — весёлое утро. Седьмое весёлое утро за мою жизнь. Если посчитать, то в среднем получается одно весёлое утро в десять лет. Но на самом деле весёлые утра распределяются совсем не так. Пять из них случились в первые тридцать лет моей жизни, и только одно — потом. Уже не одно, уже — два.

Весёлое утро не всегда означает, что следом начнётся весёлый день. В своё первое весёлое утро я проснулась от того, что на мой горячий лоб легла холодная шершавая рука папы. Я потёрлась лбом о папину руку, и рука тоже стала горячей. И вместо того, чтобы встать и пойти собираться в школу, я попросила пить. И папа принёс большую банку с тягучим компотом из груш. Я пила прямо из банки, держалась горячими руками за холодное, с крупинками песка, стекло, и дышала грушевым летом. В то утро я заболела. На много дней и ночей маминого страха. И папу в то утро я видела последний раз. Он уехал на заработки на далёкий Север и не вернулся. Женился на другой женщине, которая родила ему другую дочь. И написал об этом в письме. Мама прочитала письмо бабушке и деду поздно вечером. Когда думала, что я сплю. Но я не спала. Смотрела через занавеску, как они втроём сидят за убраным после ужина столом. Мама смотрит в письмо. Бабушка — на неё. Дед — в пол. Когда мама закончила читать и стала плакать, бабушка посмотрела на деда и сказала: «Променял нашу Маню на чукчу». Грозно так сказала, когда будто это не папа маму, а бабушка бабушку променял. А я лежала и удивлялась, зачем папе чукча. Чукчу я видела на картинке в учебнике — круглолицего, в мохнатой шапке.

Шестое весёлое утро было недавно. Ну как недавно — лет шесть назад. Николай ещё был жив. В то утро мы с Николаем проснулись вместе — от тишины. Вскочили, и — к печке. Там у печки, на старом одеяле, лежал рыжий, похожий на лиса, Хома — наш пёс. В ту весну Хому подрали собаки. Местный ветеринар, грустный и пьющий, предложил Хому усыпить. Но усыплять Хому, который, хоть и с трудом, но храбро и старательно дышал, мы не могли. Тогда ветеринар выпил полстакана ярко пахнущего самогона, сделал Хоме укол, поколдовал над его животом, зашил живот неожиданно ровным красивым швом, и отдал нам нашего пса со словами «Всё равно помрёт». Потом бесконечными днями и ночами Хома стонал. Иногда громко и хрипло, словно злился, но всё чаще — тихо и жалобно, как будто плакал. А в то утро затих. Мы шли к печке и думали, что чёртов ветеринар оказался прав. Наклонились над одеялом, и услышали, что Хома дышит — тихо и сонно.

Хома выжил. Живёт и по сей день. А Николая пять лет назад не стало. И я думала, что весёлого утра в моей жизни больше не будет. Но сегодня — весёлое утро. Я отодвигаю ногой колючие валехи и иду на веранду босиком. Воду не грею — умываюсь ледяной, сразу из раковины. Раковина звенит торжественно — как колокольный звон. Я выглядываю во двор и вижу, что приподнятая ручка калитки так и примёрзла. Ровненько в том положении, как он нажал на неё вчера вечером, пытаясь войти. Я вспоминаю, что его зовут Борис. Хотя ни разу к нему по имени не обращалась. И никто в деревне по имени его не называет. Говорят — «полковник». Потому что бывший военный.

Полковник появился в нашей деревне год назад. В такое же расхлябанное, звенящее тающими сосульками мартовское утро. Я встретила его по дороге в магазин. Он шёл со станции — бодрым шагом, в красной шапке с помпоном. Поз-

дорвался, рассказал, что купил дом на окраине посёлка. Так и сказал — посёлка. Хоть у нас уже давным-давно не посёлок. Деревня на две улицы. Жилых домов — восемь. Остальные — или заброшенные, или дачи. Потом стали встречаться по утрам. У него — пробежка. У меня — прогулка с Хомой. Хома, конечно же, прекрасно умеет гулять и без меня. Но другого повода каждый день выходить на улицу у меня нет.

Летом полковник спросил, не хочу ли я присоединиться к его пробежкам. Я сказала, что мне физкультуры на огороде хватает. Но в райцентр съездила. Сходила в магазин. Продавец — настоящий китаец — назвал меня «мадам» и помог выбрать спортивный костюм — красивый, мягкий, как бархатный. «Заходите вечером на чай». Это полковник сказал уже осенью. Никуда я, конечно, не пошла. Во-первых, он мог сказать так из вежливости. А во-вторых, про нас и так разговоры пошли. Нинка — соседка напротив, самая молодая в деревне, ещё и шестидесяти нет, говорит: «Может, свадьбу скоро сыграем? Хоть какое разнообразие, а то одни похороны!»

Зимой он не бегал. Да и я с Хомой не ходила. Как-то вечером позвонил по телефону, номер, видно, в справочнике раздобыл. Так и стали по вечерам по телефону разговаривать. Про детей, про внуков, про город. По телефону говорить легко — легче, чем при встрече. А вчера вечером он пришёл. Без звонка, с тортом в прозрачной коробке. Подёргал ручку калитки, постучал, позвал под окном. Я сидела тихо, как мышь. Хотела свет выключить, но поняла, что поздно — он уже заметил, что окна светятся. Постоял недолго. И пошёл назад. Я из-под занавески смотрела, как он уходит — прямой, строгий — полковник.

«И чего ты его не впустила?» — спросила дочка. Я не удержалась — позвонила, рассказала ей. Чего, чего! Кто же это вот так, с первого раза пускает? «Прости, мам, но ты старая дура, — выдала дочка. — У тебя же не пятьдесят лет впереди, чтобы неприступность изображать!»

Сегодня — весёлое утро. И, наверное, поэтому, первый раз в жизни мне кажется, что дочка права. Я надеваю спортивный костюм и иду в магазин. Торты в магазине нет. Но есть «корзинки» — трёх видов. Я выбираю две с грибочками. «Вам куда паковать?» — молодая продавщица из райцентра жуёт жвачку и рассматривает свои ногти с облупившимся лаком. «Мне в коробочку» — говорю я. «Коробки идут на четыре пирожных», — хмуро разъясняет продавщица. «Тогда мне четыре», — соглашаюсь я, и беру ещё две корзинки, на этот раз — с розочками.

Назад иду осторожно. Дохожу до поворота на свою улицу и иду дальше, на окраину. Рядом притормаживает машина. Это Лёнька, мы с ним в школе за одной партией сидели. Придётся придумывать, куда иду.

— А ты чего с пирожными, а не с цветами? — спрашивает Лёнька, вместо того чтобы спросить, куда я иду.

— А чего я должна с цветами?

— Я думал, ты проститься.

— Проститься?

Я вдруг поскальзываюсь и падаю на грязный разъезженный лёд. Коробка отлетает в сторону, и корзинки разноцветными плямами разлетаются по серому снегу. Лёнька выскакивает из машины, пытается меня поднять, падает сам, и так, сидя, на дороге, сообщает:

— Полковник-то помер ночью.

Сегодня я гуляю без Хома. Хома сидит в будке и смотрит на нудный дождь. А я смотрю далеко-далеко — туда, где в мартовской мороси может мелькнуть помпон на красной шапке.

Вчера было весёлое утро.

Когда Нюра перестала петь

Алексей много раз представлял, как он будет собирать чемодан. В воображении это выглядело, как в кино. Он сгребает с вешалок рубашки и метко швыряет их в чемодан, который эффектно стоит в противоположной от шкафа стороне комнаты. Но на деле всё получалось не так. Рубашки Алексей не носит — только футболки. И на вешалках никакой его одежды не висит — всё ровными стопочками сложено на полках. Нет, кое-что всё-таки висит. Свадебный костюм, запакованный в целлофан. Законсервированное свидетельство того, что двадцать пять лет назад он добровольно попросил девушку с тонкими упрямыми губами и уютным именем Аня выйти за него замуж. Девушка вышла. Теперь за дверью, в спальне с невыносимо жёлтыми обоями, спит женщина с поджатыми губами и категоричным в своей уютности именем Нюра. Чемодан стоит под дверью этой самой спальни. Потому что коридор в их «двушке» — узкий. И единственный шкаф находится в коридоре. И можно порадоваться, что Нюра спит крепко, и ровно столько, сколько запланировала. В 23.00 она дёргает верёвку прикроватного торшера, ложится на правый бок и засыпает. Просыпается на том же правом боку под старчески дребезжащий звук будильника. Где она нашла в смартфоне такой сигнал, непонятно. Алексей искал в своём, но там только оптимистичные трели и расслабляющие шумы.

Рита ночью ворочается. Кошкой перекатывается по кровати, как будто хочет найти место, где будут показывать самый интересный сон. Рита появилась в жизни Алексея шесть лет назад. Вместе с Ритой появились Бродский и вино зинфандель. Шесть лет каждую среду после работы Алексей едет не домой — в тихий центр со старыми пятиэтажками и скрипучими качелями, а на край города — туда, где на пустыре высокомерно торчат дома-столбики. Этажи в таких домах считать тяжело — на шестнадцатом начинает кружиться голова. Рита живёт на шестнадцатом. В квартире-студии без штор. У окна — узкий высокий стол. Каждую среду Рита ставит на стол два бокала и наливает в них сахаристое вино. Вино льётся радостно. Рита при этом декламирует что-нибудь грустное. Алексей

больше всего грустит, когда Рита читает «Любовь» Бродского. Алексей читал стихи только в школе, но сидя за узким столом, и глядя на пустырь, который вечером выглядит обречённым на вечную унылость, по-человечески, по-мужски понимает Бродского. Представляет усталую, худую женщину, которая приходит к поэту во сне. У женщины — тонкие, скорбно поджатые губы Нюры. После такой грусти Алексей любит Риту медленно и нежно.

В высокой пёстрой стопке — девятнадцать трусов. Трусы Алексей считает первый раз в жизни. И столько трусов ему не нужно. Но оставлять их здесь тоже не хочется. Куда их Нюра денет? Пустит на тряпки? Даже Нюре с её патологической страстью к уборке столько тряпок не надо.

Алексей решил, что уйдёт к Рите, как только женится Виталик — их с Нюрой сын. Об этом решении он никому не сообщал. Рите не говорил, чтобы не ждала. Потому что, когда от тебя чего-то ждут, ты как будто в чём-то виноват. Нюре не сказал не потому, что жёнам о таком заранее не говорят. А потому, что это всё равно ничего бы в их жизни не изменило. Утро так же начиналось бы бутербродами с сыром и сладким чаем в чашках с нелепыми сердечками. Вечер — звуком работающей мясорубки и запахом котлет, проникающим в каждую комнату и даже на лестничную площадку. Рита котлеты не жарит. Она готовит десерты несуществующих цветов и сложных вкусов.

Алексей кладёт трусы в чемодан — полстопки. За дверью детской вздыхает незнакомая девушка. Виталик ещё не женился. Но сегодня привёл домой девушку. С большими глазами и потрескавшимися губами. Алексей почему-то подумал, что девушка — беременная. Нюра сказала: «Чтобы духу её здесь не было». Но Виталик проявил неожиданную твёрдость. Сейчас Виталик и девушка спят в детской — вдвоём на односпальной кровати. Нюра перед тем, как дёрнуть верёвку торшера, сказала: «Я же ему письма в армию каждый день писала». Алексей знал, что это правда. Нюра писала каждый день по много листов. «О чём она могла столько писать?» — думает Алексей и задвигает оставшиеся трусы вглубь шкафа.

Три футболки, двое джинсов, пуховик, скрученный в трубочку, чтобы не занимал много места. Пуховик можно было и не скручивать. Всё равно чемодан получился полупустой. Алексей спускается с лестницы на цыпочках, чтобы не разбудить соседей. Слышимость в доме отличная. Когда-то Алексей радовался такой слышимости. Когда не мог найти работу, сидел дома и ждал с работы Нюру. Ждал и слушал разные шаги. Нюрины — тяжёлые, медленные — появлялись, когда подъезд уже сонно затихал. Странно, но в то время Нюра по утрам пела.

Такси Алексей не вызывал. Решил отправиться в новую жизнь на последнем автобусе. На остановке — пусто. Пахнет ночной свежестью и прелыми листьями. Автобус через девять минут. Но Алексею хочется, чтобы он не приходил ещё долго. Хочется сидеть на неудобной скамейке, дышать осенью и ночью. «Как будто присел на дорожку», — думает Алексей и нащупывает в кармане ключи от квартиры Риты. Пытается представить, как он открывает дверь, заходит в залитую светом уличных фонарей квартиру-комнату, находит на огромной кровати

Риту... И комната, и кровать, и Рита представляются смутно и быстро исчезают. Их место занимает другая картинка — неожиданно яркая и чёткая. Усталанный газетами пол их с Нюрой спальни. Нюра стоит на табуретке и пытается придать жилой вид потолку, из которого храбро торчит короткий одинокий провод — обещание будущего света. Нюра поёт. Что-то громкое и бодрое.

Алексей пытается вспомнить, когда Нюра перестала петь. Когда Алексей нашёл работу и перестал её по вечерам ждать? Когда Виталик ушёл в армию? Или, когда они — Алексей и Рита — уехали на выходные в Италию? Нюра про эту поездку не знала. Как не знала и про Риту. Но именно тогда, в нереальной итальянской Падуе, Алексей постоянно думал про Нюру. Почему-то очень хотелось, чтобы Нюра тоже посидела на скамейке, на которой сидел Галилео Галилей. И чтобы по утрам, вместо бутербродов с сыром, она глотала на местном рынке скользкие устрицы и радостно улыбалась огромному бородатому продавцу, чтобы тот не догадался, что на самом деле ей противно.

Автобус подъезжает неожиданно. Останавливается, издаёт шипящий, похожий на выдох, звук, открывает двери и сообщает успокаивающим баритоном, что следующая остановка «Пушкинская». Алексею кажется, что автобус стоит долго — дольше, чем положено стоять на таких обыкновенных, рядовых остановках. В какой-то момент Алексею даже становится стыдно перед этим интеллигентным автобусом за то, что он не встаёт ему навстречу, не заходит в распахнутые двери. И когда автобус трогается, Алексей облегчённо улыбается и встаёт со скамейки.

По лестнице Алексей поднимается тихо и быстро. Открывает ключом дверь. Сразу же видит свет на кухне. Не разуваясь, с чемоданом, проходит в кухню. Нюра поднимает глаза, приоткрывает рот, как будто хочет вскрикнуть, и закусывает губу — красную, припухшую.

— А давай на выходные махнём в Италию, — Алексей говорит заговорщицким шёпотом.

Нюра молчит.

— Там Галилео и устрицы, — говорит Алексей уже во весь голос и опускается на табуретку.

— Детям кровать купить надо, — отвечает Нюра и вдруг начинает петь — громко и бодро.